

ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ ЗА ТО, КТО ОНИ ЕСТЬ (ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ НЕ ЛЮБЯТ НАС В ОТВЕТ)

Споры о причинах любовных чувств зачастую оставляют без внимания безответную любовь, которая, как я считаю, способна быть столь же подлинной и значимой, как и взаимное любовное чувство. Реляционный взгляд на любовь не может объяснить ни причины, ни ценность безответной любви. Альтернативный взгляд в лице простой атрибутивной теории также имеет недостатки. Для их устранения обычно используется уточнённая версия атрибутивной теории, сочетающая в себе идеи различных её сторонников. Однако даже такая утончённая версия не способна ответить на вопрос о причинах безответной любви. В связи с этим я предлагаю новую версию атрибутивной теории, которую я называю экспериментальной. Согласно моему взгляду, любовь черпает свою силу не только в присутствии нашему возлюбленному реляционных свойствах, формируемых и переживаемых во взаимных любовных отношениях, но и в его перспективных качествах, значимость которых может быть по-настоящему оценена только за пределами взаимных любовных чувств. Только такая версия атрибутивной теории способна рассматривать причины не только взаимных любовных отношений, но и безответной любви.

Ключевые слова: взаимная любовь, безответная любовь, атрибутивная теория, реляционная теория, перспективные качества.

1. Безответная любовь и причины для любовных переживаний. Какие причины есть у Ромео любить Джульетту¹? Любовь сама по себе может быть рациональной или морально значимой, однако, какие причины есть у Ромео любить именно *Джульетту*, а не Розалинду или любую другую девушку? В данной статье я отстаиваю взгляд, согласно которому Ромео любит Джульетту из-за того, кто она есть, в силу её собственных атрибутивных свойств. В общей форме такой взгляд защищается со стороны нескольких авторов [прежде всего, см.: 11; 12] и представляет собой простой атрибутивный взгляд на причины любовного чувства. Нико Колодны — один из самых влиятельных критиков подобного взгляда — предложил альтернативный *реляционный взгляд* на любовное чувство [8], согласно которому Ромео любит Джульетту в силу связывающих его с ней отношений.

Хотя эти взгляды зачастую рассматриваются как взаимоисключающие альтернативы, мы вполне можем интерпретировать их как две крайности единого спектра. На одном краю которого находится реляционная теория, утверждающая, что есть *одно-единственное* атрибутивное свойство Джульетты, питающее [grounds] любовь Ромео, — её пребывание в любовных отношениях с ним; на другом — атрибутивная теория, заявляющая, что у Джульетты имеется множество свойств, обуславливающих любовь Ромео, и отношения между влюблёнными не обязательно должны быть среди них. И хотя такая интерпретация весьма полезна для выявления некоторых схожих черт этих двух взглядов, она оказывается ошибочной, как только речь заходит о существенных различиях между ними. В частности, и я буду говорить об этом ниже, между

этим теориями существует важное отличие в их возможностях найти объяснение феномену *безответной любви* [unrequited love].

Несмотря на свою трагическую кончину, Ромео был настоящим счастливчиком. Он не только способен был чувствовать пылкую и страстную любовь к красивой, благородной и юной девушке, какой была Джульетта, но и эта девушка пылко и страстно любила его в ответ. В этом отношении Ромео был удачливее, нежели Вертер², или множество других влюблённых литературных персонажей, по неосторожности влюбившихся в женщин, которые не могли ответить на их чувства.

Счастлив тот, кто никогда не испытывал безответной любви! Такая любовь не только мучительна, но и встречается на каждом шагу: кто не был её свидетелем?! Романы, пьесы и фильмы лишились бы многих интересных сюжетов, если бы все истории любви были рассказами о взаимном любовном чувстве. Это и в самом деле удивительно, но безответная любовь почти не представлена в философских исследованиях. Такое молчание [асипа] во многом объяснимо желанием большинства авторов анализировать «идеальную любовь» — лучшую любовь, к которой все мы стремимся³.

Приятно сознавать, что идеал любви включает в себя взаимность. Однако пытаюсь понять, как любовь устроена и как именно она действует, мы рискуем совершить ошибку, если берем за основу идеалистическое представление о ней. Любовь, которую мы переживаем или видим вокруг себя, по большей части не является идеальной: она — запутана [messy], мучительна и несовершенна. Многие примеры такой любви не несут в себе взаимности, и всё же большинство из них имеет свои собствен-

ные причины. Тем самым, говоря о важности безответной любви, я лишь ратую за довольно неприятный исследовательский подход: предлагаю рассматривать любовь как она есть, а не такой, как нам хотелось бы, чтобы она была. Любовь как таковая не нуждается во взаимности.

Если смотреть на любовь во всей её ослепительной неидеальности, мы увидим, что в их нынешнем виде и атрибутивная, и реляционная теория сталкиваются с серьёзной проблемой, которая до сих пор остается незамеченной в исследовательской литературе: обе эти теории не могут объяснить нам причины для любви Вертера. И одна из этих теорий находится даже в более незавидном положении, чем другая. Структурный изъян [structural flaw] реляционной теории не дает ей права рассматривать безответную любовь: она просто не признаётся подлинной и значимой формой любви. Атрибутивная теория после внесения необходимых поправок [amended], напротив, может иметь дело с причинами безответной любви. Именно такую версию атрибутивной теории я и разрабатываю в данной статье. Внимание к безответной любви обладает, таким образом, двойной ценностью: с одной стороны, мы обнаруживаем непростительный недостаток [damning flaw] реляционной теории, с другой — имеем мотивы совершенствовать и уточнять атрибутивную теорию.

Общая схема [overview] данной статьи следующая. Сначала на основе двух возражений идет критика реляционной теории Нико Колодны. Во-первых, эта теория меняет местами [inverts] порядок обоснования любви и любовных отношений, и, как следствие, не может объяснить причины безответной любви. Во-вторых, она не учитывает значимость безответной любви, которая заключается в особой [peculiar] бескорыстной оценке свойств любимого человека. Затем рассматривается альтернативная точка зрения — простая [simple] атрибутивная теория, и вскрываются её недостатки. Против такой теории существуют три традиционных возражения: замены [substitutability], смены [traiding-up] и измены в любимом [changes in the beloved]. Чтобы снять эти возражения берется утончённая [sophisticated] версия атрибутивной теории, которая сочетает в себе различные идеи сторонников такого взгляда на любовь. Однако, несмотря на то что такая утончённая версия снимает традиционные возражения против атрибутивной теории, она все же не способна ответить на вопрос о причинах безответной любви. Поэтому я предлагаю новую версию атрибутивной теории — экспериментальный взгляд. Согласно моему взгляду, мы любим человека не только в силу свойств, сформированных и переживаемых в любовных отношениях, но и по причине наличия в нем перспективных свойств [perspectival properties], значимость которых можно оценить и вне взаимных любовных отношений. Экспериментальный взгляд, в отличие от всех остальных, может объяснить причины не только взаимной, но и безответной любви.

2. Отношения как причины для любовных переживаний: реляционная теория. Влиятельная теория Нико Колодны объявляет, что все формы любви основаны на значимости отношений [valuing a relationship], и неважно, идет ли здесь речь об отношениях между родителем и ребёнком, супругами или друзьями⁴. Согласно такой точке зрения, любовные отношения являются основой причин для любви, равно как и её значимости. Именно поэто-

му отношения является важнейшим нормативным понятием данной теории. Подобный акцент на отношениях, однако, служит источником двух характерных проблем. Во-первых, реляционная теория не может объяснить причины безответной любви. Во-вторых, она не способна понять и её значимость.

Начнём с первой проблемы. По мнению Колодны, любовь к человеку оправдана наличием любовных отношений с ним. Чтобы осознать проблематичность такого взгляда, нам следует присмотреться к самой концепции основанных на любви отношений. Подобные отношения сами по себе отличаются от такой институциональной практики, как брак. Они являются прежде всего волевым обязательством⁵. Они служат для любящего сердца выражением той особой роли в его эмоциональной жизни, которую оно предписывает своему возлюбленному, — роли романтического партнёра. Любовные отношения в том виде, как я определила, не могут быть односторонними [unidirectional] обязательствами — они просто обречены быть взаимными. Нельзя возложить на кого-либо роль романтического партнёра против его воли⁶.

Участие в любовных отношениях означает принятие на себя романтических обязательств по отношению к партнёру. Эти обязательства выражаются и ощущаются разными людьми по-разному и часто зависят от социальных условий, в которых они живут. Для некоторых людей такие обязательства, например, включают в себя брак или моногамные сексуальные отношения, в то время как для других — вполне совместимы со свободными отношениями. Для некоторых людей обязательной является забота о благополучии возлюбленного, вплоть до того, что интересы своих возлюбленных превагируют над всеми прочими интересами (даже над их собственными), тогда как другие — ставят свои интересы или интересы их семьи выше интересов и благополучия своих возлюбленных. Поскольку люди имеют разные характеры, разное понимание морали и разные личные качества, любовь и любовные отношения могут принимать множество различных состояний⁷.

Конечно, для большинства людей участие в любовных отношениях сопоставимо с участием в социально-регулируемых или даже институционализированных практиках, таких как свидания, брак и многих других, подобных им практиках. Именно поэтому любовные отношения так легко соединить с их социальным двойником — отношениями, которые характеризуются совместной деятельностью и регулируются социальными нормами.

Но есть важное различие в структуре обоснования этих двух видов отношений. В случае социальных отношений мне не нужно быть влюблённым, чтобы мои отношения были причинно обоснованы. Потому что существуют всевозможные причины вступать в социальные отношения с кем-либо: социальный долг, интерес, одиночество, желание влюбиться и т.д. Эти причины, однако, отличаются от причин любви. Если бы кто-то был вынужден вступить в брак и только поэтому занимался бы характерными действиями с супругом, то лишь на основании этих причин у него не было бы мотива для любви к своему супругу⁸. То же самое имеет место, если кто-то начинает встречаться с человеком только потому, что больше не хочет жить в одиночестве. Социальные отношения зачастую являются контекстом, в котором развивается любовь, но они отнюдь не являются тем, что прида-

ет этому чувству регулирующую основу [normative ground to love].

Совсем иначе обстоит дело в случае любовных отношений, в которых единственной уместной причиной является то, что я люблю этого человека, а он любит меня в ответ. Если моя любовь не является взаимной, невозможны и любовные отношения с этим человеком, в этом случае я переживаю безответную любовь. Тем не менее, у меня всё ещё могут быть причины любить этого человека. Более того, существуют мотивы, по которым я могу оставаться в любовных отношениях до тех пор, пока я его люблю, хотя могут быть и причины оставаться в социальных отношениях, которые не зависят от любовных чувств, например, потому что я хочу воспитывать своих детей с другим человеком.

Теория Колодны не подходит для понимания различия между социальным и любовными отношениями. Это различие важно не только в силу своей интуитивной обоснованности, но и потому что оно позволяет безответной любви иметь собственные причины. Когда я люблю кого-то, кто не отвечает мне взаимностью, я не могу быть с ним или с ней в любовных отношениях, но у меня всё ещё есть причины любить этого человека и желать, чтобы любовное чувство было взаимным. Поэтому правильный порядок обоснования любовных чувств и отношений следующий: я вступаю (и остаюсь) в любовных отношениях, потому что люблю этого человека, а не *vice versa*¹.

Можно было бы попытаться ответить от имени Колодны, что причины безответной любви лежат в области каких-либо других отношений, в которых могли бы состоять любящий человек и его любимая, таких, скажем, как дружба. Иными словами, он мог бы возразить нам, что для безответной любви имеются причины только в том случае, если она паразитирует на неромантическом основании. Это не было бы полноценным (*full-blown*) объяснением причин для безответной любви, но это могло бы объяснить нашу интуицию, что такого рода любовь также должна иметь собственные причины. Однако Колодны не может принять наше объяснение, потому что он использует многообразие отношений в качестве маркеров, позволяющих отграничивать различные виды любовного чувства: «разные *способы* любви подходят для разных отношений» [8, p. 147]. Родительская любовь отличается от дружбы и романтической любви в силу разной значимости этих отношений. Если любящий является другом для человека, которого он любит, то причины есть у его дружбы, но не у его любви. Поэтому безответная любовь, по мнению Колодны, непременно лишена своих оснований.

В действительности же я ожидаю, что он будет продолжать настаивать на собственном определении безответной любви, аргументируя это тем, что безответная любовь просто-напросто не является значимым состоянием. Колодны постоянно говорит о безответной любви исключительно в уничижительных терминах, таких как «бесполезное мучение» [*futile pining*] [8, p. 171], и сетует, что «за нашей склонностью превозносить безответную любовь <...> стоит наше восхищение упорством перед лицом непреодолимых трудностей [*overwhelming odds*] и, в частности, доставшийся нам в наследство от романтизма культ распущенных и неуёмных эмоций» [8, p. 171]. Поэтому можно не без оснований заключить, что его асимметричный подход [*asymmetric treatment*] к феномену безответной

любви коренится в той скудной значимости, которую он для неё отвёл, вполне вероятно, отказывая ей в праве считаться разновидностью каких бы то ни было любовных чувств. Это вторая проблема теории Колодны.

Однако насколько убедителен его взгляд на безответную любовь как бесполезное мучение или пример распущенных и неуёмных эмоций? Давайте взглянем на пример безответной любви, которая не является ни распущенной, ни неуёмной, ни бесполезной. В действительности данный пример показывает нам: безответная любовь имеет свою собственную значимость и с нашей стороны было бы наивным полагать, что если существуют причины для взаимного любовного чувства, то для безответной любви таковых уже нет⁹. (Чтобы читателю было проще разобраться в этом и последующих примерах, в каждом любовном сценарии имя любящего сердца будет начинаться на «Л», а объект его чувства будет иметь имя на «Б».)

Льувел и Бело. Льувел — гей, который живёт в обществе, отвергающем гомосексуальность, и он влюблён в Бело — своего лучшего друга. Бело — гетеросексуал и находится в счастливом браке с Джамилой, и он даже не подозревает об истинных чувствах своего лучшего друга. А если бы он вдруг и узнал об этом, то стал бы испытывать отвращение и страх, по крайней мере, именно так думает Льувел. В действительности сам Льувел переживает ужас: он чувствует себя во власти того, что он не может признать. И всё же он крайне болезненно осознаёт своё сексуальное влечение к Бело, свою глубокую заботу о нём, свое признание его значимых качеств. Он ревнует его к жене, грустит, когда грустит Бело, пытается помочь ему в сложных ситуациях и так далее.

Льувел — типичный любящий человек. В его любви нет никакой распущенности или неуёмных эмоций¹⁰. Я уверена, что множество самых обычных историй о безответной любви здесь сразу же всплывают в нашей памяти: на протяжении всей истории люди влюбляются в людей, которые не отвечают им взаимностью. Грустный факт нашей жизни заключается в том, что иногда мы любим людей, которые не любят нас в ответ.

Безответная любовь не просто печальное чувство для тех, кто её испытывает. Когда на любовь не отвечают взаимностью, происходит что-то действительно достойное сожалений. Льувел открыл [*grasped*] для себя необыкновенную красоту Бело и без всякого умысла влюбился в него. В силу своего *бескорыстного* характера, это ценный и потенциально облагораживающий опыт: Льувел переживает любовные чувства, даже если Бело не любит его в ответ (при всем желании он не способен испытать ответное чувство). «Бескорыстный» используется здесь как сугубо технический термин; он обозначает не альтруистическую заботу о благополучии возлюбленного, а такое приятие любящим сердцем объекта своих чувств, которое не обусловлено взаимностью, даже если это и есть то самое, что оно так сильно жаждет¹¹. Именно эта характерная особенность безответного любовного чувства делают его, *вопреки* мнению Колодны, столь популярным объектом беллетристических и художественных произведений¹². Мы восхищаемся этой храброй чувственностью [*discernment*]: безответная любовь заявляет о значимости именно *этого* человека, о его привлекательности¹³. Такие чувства являются, прежде всего, нашей реакцией на что-то, обладающее

исключительной ценностью [uniquely precious]. Они служат выражением нашей способности приписывать особую роль в своей эмоциональной жизни человеку, не требуя от него взамен того же самого.

Безответная любовь, таким образом, действительно имеет значимость, которая не может быть объяснена в рамках реляционной теории. Колодны может продолжать настаивать на том, что у неё нет причин, однако, в этом случае бремя доказательства лежит на нём. В оставшейся части статьи мне бы хотелось показать, каким именно образом атрибутивная теория, в отличие от реляционной, может объяснять причины и значимость такой любви. В следующем разделе я разбираю недостатки обобщенной версии атрибутивной теории, за которые Колодны ее справедливо критикует. Затем я показываю, что только ценой утраты своей способности объяснять причины безответной любви обобщенная версия атрибутивной теории могла бы возразить на критику. Чтобы справиться с подобными трудностями, я предлагаю новую оригинальную версию атрибутивной теории — *экспериментальный взгляд*.

3. Атрибутивные свойства как причины для любовных переживаний: простая атрибутивная теория. Понять, что такое простая атрибутивная теория любовных чувств, легче всего с помощью примера:

Луфти и Бекир. Луфти встречает Бекира, который оказывается для него привлекательным с самого первого взгляда: он красив, блистателен, добр и мил. Бекир остроумный собеседник, гурман и обладатель множества других качеств, которые делают его идеальным романтическим партнёром для Луфти. И вот, после нескольких месяцев отношений, Луфти полон энтузиазма, чтобы объявить своим друзьям: я люблю его!

Согласно атрибутивному взгляду на любовь¹⁴, Луфти любит Бекира за те качества, которыми он обладает, в данном случае за его красоту, интеллигентность, доброту, ласковость, чувство вкуса и юмор. Эти атрибутивные свойства являются неотъемлемыми качествами этого человека¹⁵. С точки зрения атрибутивной теории, чтобы любовь была уместной или обоснованной, её причины *обязательно* должны корениться в качествах возлюбленного. Данная теория, несомненно, представляет интерес; в конце концов, она привлекает наше внимание к тому, что люди чаще всего говорят. («Я люблю его, потому что он весёлый, умный и заботливый»). Однако против нее имеется ряд возражений; и от некоторых из них отделаться не так просто.

Очевидное возражение, согласно которому эта теория является *психологически неправдоподобной* [psychologically implausible], мы сразу же отмечаем. Атрибутивный взгляд на любовь вовсе не требует от влюбленных сердец знания причин для подобных чувств: вполне возможно, что сам Луфти не сможет перечислить причины для своей любви, а быть может он даже и откровенно заблуждается относительно таковых. На самом деле Луфти даже может рассуждать об этих причинах, открыто *отрицая* атрибутивные свойства своего возлюбленного: «Я люблю его, потому что он — это он. Я любил бы его, даже если он был бы глупым и некрасивым»¹⁶.

Иногда влюбленные делают подобные заявления о безусловности и постоянстве их чувств ради того, чтобы успокоить своих возлюбленных (а также и самих себя). Стремление говорить своему любимому, что он любим *per se*¹⁷, независимо от его атрибутивных свойств, видимо, вызвано желанием из-

бавиться от беспокойного ощущения, что любовь даруется на определённых условиях, а значит — может быть утрачена [withdrawn], как только эти условия перестанут нас удовлетворять. Именно это обстоятельство является источником трёх дополнительных тревог.

Когда на сцену выходит Бекир+, ошеломительного красивый, необычайно остроумный, наделённый невероятной чуткостью и эстетическим вкусом, Бекир может начать бояться потерять любовь Луфти. Подобный сценарий развития событий содержит в себе типичное возражение против атрибутивной теории — контраргумент *смены*, который заключается в том, что любящие сердца имеют больше оснований любить того, кто имеет те же самые, но намного более ярко выраженные атрибутивные свойства, чем их нынешние объекты любовных чувств. Однако интуитивно мы верим, что влюблённые, если они на самом деле переживают любовные чувства, не должны так просто размениваться на других.

Похожее возражение — контраргумент *замены* — гласит: атрибутивная теория обязывает признать, что для любви к определённому человеку мы имеем ровно те же самые основания, что и для любви к его *доппельгангеру* (в нашем примере им является Бекир*). Ответ на такое возражение будет тем же, что и на предыдущее: большинство людей интуитивно верят в то, что было бы иррациональным переложить [transfer] наши любовные чувства на того, кто тождественен в своих качествах нашему нынешнему возлюбленному¹⁷.

Следующее возражение против атрибутивной теории состоит в том, что многие атрибутивные свойства Бекира являются хрупкими и недолговечными [fragile]. Что если его обезобразит авария? Что если с возрастом он впадёт в слабоумие и станет невыносимо скучным? Подобные тревоги влюбленного сердца лежат в основе контраргумента *измены*, согласно которому атрибутивная теория не может объяснить интуитивную веру в то, что у нас есть причины любить человека и дальше, даже если он претерпел перемены и утерял свои прежние атрибутивные свойства¹⁸.

Простая атрибутивная теория становится легкой жертвой этих возражений, и авторы, вроде Колодны, критикуют её именно на таких основаниях. Однако существует и более утончённая версия данной теории, которая без особого труда обходит все эти возражения.

4. Реляционно-исторические свойства: утончённая атрибутивная теория. Некоторые сторонники атрибутивной теории¹⁹ [11, 12, 18] выдвинули на первый план следующие две важнейшие характеристики атрибутивных свойств человека, которые делают его достойным любви: реляционность и историчность. В этом разделе я обобщаю уже существующие исследовательские позиции и разрабатываю *утончённую версию атрибутивной теории*, которая способна дать ответ на представленные выше традиционные возражения. Подобный взгляд, однако, преуспевает лишь в борьбе против этих возражений. За счет включения в себя ряда элементов теории Колодны, которые затрагивают вопросы важности и значимости отношений для наших любовных чувств, этот взгляд наследует и все проблемы реляционной теории, утрачивая способность давать объяснения причин безответной любви.

4.1. Замена и смена. Возражение замены отвергает: если Луфти встречает Бекира*, *доппельгангера*

из другого мира, согласно простому атрибутивному взгляду, у него будут те же самые *резоны* любить его, так же как он любит Бекира.

Некоторые могут не согласиться с тем, что это заключение является поводом для беспокойства [20]. Но в таком случае сторонники атрибутивной теории должны сами подыскать ответ на это возражение. Основания любви не должны без всякого труда перелagаться [transferable] на другого человека, и простая атрибутивная теория имплицитно с этим согласна. Когда Колодны говорит, что отношения между любящим и любимым релевантны самим причинам для любви, он тем самым открывает нам нечто важное в природе наших любовных чувств.

По мнению сторонников атрибутивной теории, любовь Луфти к Бекиру основана на свойствах, которые определяют тот самый тип личности, которым он является, и которые мы с полным правом могли бы назвать его качествами²⁰. В идеале, когда у Луфти спрашивают о причинах любви к Бекиру, он будет с восхищением и признательностью говорить о тех его качествах, что позволяют расцвести [flourishing] их отношениям.

Ранее я уже упоминала о красоте, интеллигентности, чувстве юмора, нежности, доброте и чувстве вкуса. Всё это выглядит очень привлекательным на бумаге, однако, сами по себе такие свойства являются довольно заурядными [quite generic]. Именно из-за такого абстрактного понимания [in generic terms] атрибутивных свойств и возникают основные возражения. Атрибутивные свойства, которые Луфти необходимо упомянуть, рассказывая нам о своей любви к Бекиру, должны быть куда более конкретными и специфичными, чтобы действительно иметь решающее значение для их отношений, чем те качества, что мы привели выше, если мы хотим видеть в них подлинные причины для любви. *Атрибутивные свойства Бекира переживаются Луфти в интенсивном взаимодействии, основанном на их отношениях.*

Здесь под «отношениями» я имею в виду *взаимные* действия в любовных и (большую часть времени) социальных контекстах: именно на основе общего понимания своих отношений два индивида взаимодействуют друг с другом посредством общения и совместной деятельности. Такое взаимодействие имеет место как до, так и после вступления в романтическую связь²¹.

Луфти любит Бекира, потому что тот знает, как следует себя вести, когда он находится в плохом настроении [12, p. 167]; он любит его из-за той ласки, которой Бекир одаривает его одного, и так далее; есть множество других причин, на которых основана любовь Луфти. Многие из качеств Луфти, таким образом, являются *реляционными* [relational] свойствами.

Атрибутивное свойство представляется мне реляционным в двух смыслах. В определенном смысле мы могли бы сказать, что атрибутивные свойства являются частью отношений, так как они существуют или реализуются [instantiation] на основе существующих отношений. Например, свойство Бекира быть милым, когда он пребывает в плохом настроении, предполагает наличие отношений между ним самим и Луфти. Другим примером может служить его милое поведение по отношению к Луфти и только по отношению к нему одному, поскольку данное свойство не может быть реализовано вне отношений.

Мы можем также говорить о реляционных свойствах и в более широком смысле, как о таких свой-

ствах, которые могут переживаться уникальным и особенным [idiosyncratic and peculiar] способом по причине существования отношений. Предположим, что Бекир является милым, и это неотъемлемая черта его характера, которая вовсе не основана на отношениях, которые у него есть. Однако даже в таком случае милое поведение Бекира с его матерью будет отличным от милого же поведения с Луфти. Таким образом, атрибутивное свойство Бекира быть милым является реляционным в том смысле, что оно имеет разный характер в отношении разных людей²².

Многие из таких неотъемлемых свойств Бекира переживаются Луфти как реляционные. Они как раз и являются тем, что делает Бекира столь привлекательным в глазах Луфти, потому что они в присутствии Луфти делают Бекира тем, кто он есть. Но и это ещё не всё! Отношения Бекира и Луфти сами по себе меняют его идентичность [affect Bekir's identity in a further way], именно благодаря отношениям свойства Бекира будут меняться с течением времени. Мало того, свойства Луфти также будут испытывать влияние этих отношений, и изменения будут множиться, подобно тому, как множатся круги на воде от брошенной в нее гальки²³.

Когда нас любят и когда мы сами переживаем любовное чувство, мы постоянно меняемся. Атрибутивные свойства человека не только переживаются в отношениях, они в них *формируются*. Тем самым, если мы желаем включить определённые элементы реляционного взгляда в атрибутивную теорию, мы можем согласиться с Колодны в том, что моё пребывание в отношениях с тем или иным человеком является достаточно релевантным обстоятельством, чтобы иметь причины для любви к нему. Однако затем наши мнения расходятся. Наличие отношений является релевантным лишь косвенным и опосредованным образом: мои отношения с этим человеком влияют на то, кто он есть, на то, как я его вижу, на то, как меняется он и как меняюсь я сам²⁴. Иными словами, атрибутивные свойства, которые являются причинами для моей любви, сильно зависят от того, как именно эти свойства ощущаются и меняются имеющимися отношениями. Тем не менее обращение к самим этим свойствам необходимо, чтобы показать, что моя любовь к этому конкретному человеку является обоснованной. *Сами по себе отношения не являются для меня таким обоснованием, им является только сам человек и его атрибутивные свойства.* Любовные отношения являются просто контекстом, в котором большинство любящих сердец переживают атрибутивные свойства своих возлюбленных. И такого контекста вполне может и не быть, как мы увидим, когда вернёмся к феномену безответной любви.

Теперь мы можем понять, как утончённая версия атрибутивной теории отвечает на контраргумент замены и a *fortiori*ⁱⁱⁱ на контраргумент смены. Ни Бекир+, ни Бекир* не могут претендовать на место в сердце Луфти, занятое Бекиром, потому что у них нет тех необходимых реляционных свойств, которые есть у него, именно поэтому их нельзя рассматривать в качестве метафизической угрозы подлинным любовным чувствам. Тем самым данная теория способна дать нам объяснение повсеместной [widespread] интуитивной уверенности в том, что Луфти не имеет тех же самых причин для любви к Бекиру+ или Бекиру*, хотя их и можно рассматривать как объекты *будущих* любовных чувств Луфти. Луфти способен иметь причины любить

множество других людей, однако здесь нет риска для простой замены или смены объектов любви, потому что на самом деле и Бекир*, и Бекир+ сильно отличаются от Бекира, а стало быть, и вполне вероятные любовные чувства к ним требуют наличия собственных, основанных на атрибутивных свойствах причин [property-based reasons]. Такие причины не могут быть механическим образом [automatically] перенесены с Бекира на Бекира*, однако, это обстоятельство вовсе не говорит нам о том, что в один прекрасный день у Луфти вдруг не может возникнуть причин для любви к Бекиру* (или Бекиру+). Полноценная [adequate] теория любви не должна отрицать, что любовные чувства имеют свойство однажды *заканчиваться*. Луфти может в один день разлюбить Бекира и влюбиться в кого-нибудь другого. Но, согласно представленному здесь взгляду, если подобное и происходит, для этого есть основание, а именно такое изменение атрибутивных свойств Бекира, что они больше не могут быть причинами для любви Луфти²⁵.

4.2. Измена. Контраргумент измены является даже более весомым аргументом, если мы говорим о простой версии атрибутивной теории, поскольку он очень реалистичен: нам не нужно ждать появления допсельгангера или прокаченной версии 2.0 Бекира, так как люди могут просто *терять* свои атрибутивные свойства. Многие привлекательные атрибутивные свойства Бекира являются хрупкими и недолговечными. Он может потерять свою красоту, резвость, своё чувство юмора или вкуса. Должна ли любовь устоять перед лицом таких перемен?

Наши интуиции здесь могут расходиться в еще большей мере, чем в предыдущих случаях, и это кажется справедливым. В конце концов, всем нам знакомы примеры, когда возлюбленные с возрастом меняются и перестают быть объектами для любви, и наше любящее сердце способно убедительным образом объяснить причины утраты своего прежнего чувства. Но мы также можем назвать множество людей, которые не перестают любить, когда их возлюбленный меняется и, как кажется, нам нельзя сказать, что такие люди мучительно делят ставшие неуместными отношения²⁶. Утончённая атрибутивная теория имеет, что ответить на подобные возражения, она акцентирует внимание на *историческом характере* реляционных свойств²⁷.

Отношения происходят во времени. Бекир знает, как обращаться с Луфти, когда тот в плохом настроении, потому что он научился этому во время многочисленных трудностей, которые они переживали вместе. Если мы находимся в отношениях, это даёт нам преимущество, так как мы непосредственно наблюдаем вероятные изменения и имеем возможность к ним приспособиться. Аtribuтивные свойства являются реляционно-историческими, когда для того, чтобы соприкоснуться с ними на опыте, любящий должен провести значительное время со своим возлюбленным²⁸. В таком случае атрибутивные свойства могут переживаться по мере их изменения.

Стоит отметить, что есть также ещё один смысл, в котором атрибутивные свойства могут быть названы историческими: они могут характеризовать человека, отсылая нас к какой-то дате или событию, которое имеет своё место на шкале времени, например, родиться 21 мая 1978 или родиться в Касабланке. Подобные атрибутивные свойства сами по себе могут быть показаться неуместными причинами для любви. Однако они таковыми становятся в контек-

сте любовных отношений: то, что Бекир родился 21 мая вполне может иметь огромное значение для Луфти как любителя астрологии, считающего именно Близнецов идеальной для себя партией. Равно как и то, что Бекир родился в Касабланке может оказаться важным для Луфти, который сам родился в этом городе и которому кажется ценным, что оба они росли на одних и тех же улицах, говорят на одном языке и так далее. Аtribuтивные свойства подобного рода относятся к истории объекта любовных чувств и способствуют созданию сильной эмоциональной связи [bond] с любящим его сердцем; как таковые они обладают особым значением для того, кто любит, или значительным образом влияют на то, как он воспринимает объект своей любви. Если какое-либо исторически укорененное атрибутивное свойство делает любимого особенным в глазах того, кто любит, оно может быть причиной для возникновения любовных чувств. Например, Луфти может любить Бекира за такие его исторически укорененные атрибутивные свойства, как присутствие на похоронах отца Луфти, совместные игры в Айн-Себаа^{IV} в восьмидесятые годы, или просто сам факт рождения в Касабланке именно в 1978 году и так далее. Может существовать множество исторически укорененных свойств, по причине которых Бекир оказывается таким особенным для Луфти²⁹.

Теперь мы можем видеть, как исторический характер многих реляционных свойств позволяет сторонникам утончённой версии атрибутивной теории без труда отвечать на контраргумент измены. Коль скоро некоторые из таких свойств не подвержены никаким изменениям (например, Бекир всегда будет оставаться сокурсником Луфти), другие могут успешно приспособиться к ним: личность и внешность Бекира меняются с течением времени, однако, и само свойство красоты (которым обладает Бекир) может по-разному оцениваться в возрасте 18, 35 или 60.

Иногда атрибутивные свойства не испытываются нами исторически так, чтобы гарантировать сохранение нашего любовного чувства. Мысли о постоянстве любовных чувств перед лицом перемен подталкивают нас к размышлениям о том, что происходит, когда изменения в человеке становятся причиной для *утраты* [falls out] нашей к нему любви? Если Луфти разлюбил Бекира, причины для этого должны быть столь же понятны и прозрачны [discerning], что и прежде: они должны указывать либо на то, кем Бекир стал, либо на то, кем он уже не является, иными словами, отсылать нас к его исторически-реляционным свойствам.

Утончённая версия атрибутивной теории, таким образом, не пытается утверждать, что *любое* изменение в атрибутивных свойствах неминуемо влечет за собой окончание любовной истории, ни даже то, что это когда-то обязательно случится. Когда люди говорят о «безусловной любви» [unconditional love], они просто выражают этим своё желание, которое не всегда является оправданным [legitimate]. Любовь вовсе не создаёт неразрывную связь, например, как акт именованья чего-либо; мы знаем, что у нас есть причины разлюбить человека, а значит, *не должны* говорить о безусловности любовного чувства. Это прямое следствие утверждения, что для любви существуют причины: если у нас есть причины для того, чтобы влюбиться в человека, равно как и для того, чтобы продолжать его любить, должны быть причины и для утраты наших любовных чувств.

Если любимый нами человек более не воспринимается как тот, в кого мы действительно влюблены, изменения в нашем поведении по отношению к нему будут вполне уместными³⁰. И это отнюдь не что-то фантастическое. Люди, у которых развивается наркотическая зависимость, или депрессия, или те, кто перенёс травматические или переворачивающие жизнь события (например, участвовал в войне или сменил религиозную конфессию) могут внезапно и радикально меняться³¹. Если мы вместе с кем-то переживаем [sharing] общую историю отношений, это вовсе не даёт нам никаких гарантий (и не обязано это делать), что любовные чувства сохранятся при любых обстоятельствах. То же самое может случиться, если само любящее сердце Луфти подвергнется радикальным переменам: характер его взаимодействий с Бекиром не останется прежним, и это окажет свое влияние на изменения в атрибутивных свойствах Бекира³².

Утончённая атрибутивная теория, таким образом, способна вполне успешно снимать все традиционные возражения. Однако она это делает посредством отсылки к таким атрибутивным свойствам, которые сформированы любовными отношениями, а значит — в условиях взаимных обязательств, которыми просто нет места в случаях безответной любви. В представленном виде такая теория, как кажется, не способна найти объяснение для существования причин безответной любви. В следующем разделе я предлагаю собственный экспериментальный взгляд, который является дальнейшим развитием атрибутивной теории любви³³.

5. Перспективные свойства: экспериментальный взгляд. Мне бы хотелось начать с небольшого отступления о том, что утончённая версия атрибутивной теории не является столь уж безнадежной. Безответная любовь не обязательно означает отсутствие каких бы то ни было любовных отношений. Безответная любовь часто переживается в контексте дружеских отношений, и это на самом деле довольно обычное явление. Во всех таких случаях есть место для реляционно-исторических свойств. Колодны не рассматривает такой вариант, потому что для него разные виды отношений соответствуют разным формам любовных чувств. Аtribuтивная теория, однако, не содержит в себе подобного ограничения, потому что для неё причины любви находятся в качествах самого любимого человека.

Дружба, подобно романтической любви, являет собой пример межличностных отношений, характеризующихся близостью и симметрией, которые влияют на возникновение реляционно-исторических свойств. Впрочем, любовные чувства могут также развиваться и в отсутствие дружбы. Давайте рассмотрим следующий пример.

Луиджи и Брижит. Луиджи — дворецкий французской актрисы Брижит Бардо. Он был её верным слугой долгие годы. И он был безумно и безнадежно в неё влюблен. Он никогда не обманывался относительно своего положения: она прекрасна, известна, богата и окружена красивыми и могущественными людьми, она ценит служение Луиджи и хорошо относится к нему, но она даже и не подозревает о существовании его любовных чувств, поскольку он всегда вел себя профессионально и придерживался безличных вежливых манер. Он очень хорошо ее знает, тогда как она не знает о нём почти ничего. Будучи очень эгоцентричной, она уделяет мало внимания тем, кто находится за пределами круга её семьи и друзей. Отношения между ними

очень асимметричны не только по накалу эмоциональной напряженности, но и по степени их вовлеченности во взаимодействия, а также по объему знаний друг о друге, которыми они обладают, и той близости, что их связывает. Луиджи очень внимателен к потребностям и эмоциям Брижит: он знает, что ей нравится и что не нравится, а также, что заставляет её нервничать или волноваться. И хотя она никогда не замечала его любовных страданий или отсутствия за ним приличий, он заботился о ней, когда она была больна или сильно огорчена.

Всё это сильно похоже на пример подлинной любви. И если это действительно так, Луиджи имеет *устойчивые* [resilient] причины для своей любви к Брижит: у него есть причины не разменивать свои любовные чувства на допеллгангера Брижит и не переставать её любить, даже когда некоторые атрибутивные свойства Брижит претерпели изменения. Однако любовных отношений здесь нет, не видим мы и никакой взаимности даже в форме дружбы, которые могли бы нам объяснить причины такого поведения со стороны Луиджи. Поэтому нам требуется новый вариант атрибутивной теории для борьбы с этим противоречием.

5.1. Перспективные качества. История Луиджи показывает, что мы способны любить человека из-за его атрибутивных свойств даже в отсутствие каких-либо близких отношений с ним. Это связано с тем, что некоторые атрибутивные свойства, питающие наши любовные чувства, являются *перспективными качествами*. Перспективные качества зависят от восприятия субъекта — само их существование основано на его перспективе. Самым ярким примером подобного атрибутивного свойства служит красота³⁴. Когда я говорю, что люблю человека, поскольку он обладает красотой, я лишь говорю, что люблю его потому, что он выглядит *красивым для меня*. Куб может казаться трёхмерным для меня, но двухмерным для вас, потому что мы смотрим на него с разных перспектив, также и человек, который будет красивым для меня, может казаться вполне обычным для вас.

Перспективы могут различаться в зависимости от многих факторов. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы два человека разделяли *общее* [overall] мнение о красоте, подобно тому, как вы и я могли бы находиться практически в одном и том же месте и поэтому иметь примерно одинаковый вид объекта наших общих наблюдений. Но даже в этом случае то, каким объект видится вам, неизменно будет отличаться (хотя бы минимально) от того, каким он выглядит для меня, в силу различий в наших системах восприятия. Это также справедливо, если речь заходит о красоте — различия в ее оценках зависят не только от нашего пространственного положения относительно человека, чью внешность мы пытаемся описать, но и от используемых нами стандартов красоты, содержание которых зависит от многих факторов, образующих в каждом отдельном случае уникальные [idiosyncratic] комбинации. Исходя из тех же соображений, чувство юмора служит нам ещё одним ярким примером перспективных свойств.

В контексте взаимных любовных отношений красота и чувство юмора являются реляционно-историческими свойствами. В случаях же безответной любви эти свойства могут быть поняты только с точки зрения перспективы. Более того, многие качества, которые мы обычно рассматриваем как лишённые перспективы (например, интеллект)

могут рассматриваться нами именно с такой точки зрения³⁵.

Охватывающий реляционные, исторические и перспективные свойства взгляд можно было бы назвать экспериментальным, или основанным на опыте, поскольку подобные свойства не могут существовать или испытываться в отсутствии любящего сердца, взаимодействующего с объектом своих чувств, где взаимодействие означает *переживание на опыте характерных черт человека* [experiencing a person's traits], которое не обязательно должно быть взаимным. В большинстве случаев такое взаимодействие происходит в личной форме, но и это не обязательно: чувство юмора, например, может переживаться при общении по электронной почте или даже посредством какого-либо другого носителя, такого как телевизионная трансляция³⁶.

Для оценки таких атрибутивных свойств, как красота или чувство юмора, нам будет достаточно и нескольких встреч³⁷. Тогда как для оценки интеллекта может потребоваться значительно более продолжительное общение. (Может так случиться, что в моём присутствии человек более умный, чем я, тем не менее будет говорить глупые вещи). В отсутствие близкого знакомства описание человека будет походить на список покупок в магазине³⁸ — его портрет будет плоским и одномерным, он будет простой механической суммой расхожих черт, создавая описание, которое без труда может применяться и ко многим другим людям.

5.2. Традиционные возражения и феномен безответной любви. Мы можем видеть, как перспективные свойства помогают атрибутивной теории справляться с возражениями в случае безответной любви. Даже в отсутствии отношений, эти свойства способны объяснить единственность [uniqueness] любимого человека. Свойства нашего возлюбленного не являются заурядными [generic], характерными для всех остальных, потому что они воспринимаются с точки зрения моей перспективы, которая формируется уникальным взаимодействием, переживаемым с этим человеком. Недостаток взаимности не мешает важным отличительным признакам возлюбленного вступать во взаимодействие со специфическим восприятием любящего сердца, которое принимает и признает их особенность и ценность. Поэтому оно также располагает причинами для любви именно к этому человеку, а не к кому-то другому, но лишь при условии, что у него действительно было достаточное количество взаимодействий для появления перспективной точки зрения на объект любовных переживаний, выходящей за пределы поверхностного описания его атрибутивных свойств.

Характерные для безответной любви взаимодействия как таковые, в отсутствии личных отношений, не являются достаточными для возникновения реляционно-исторических свойств, к которым так стремятся сторонники утончённой версии атрибутивной теории, пытаясь оправдать тот факт, что возлюбленный не может иметь простой замены³⁹. Перспективные свойства могут выполнять роль реляционно-исторических свойств, если они способны дать ответ на следующее возражение: не являются ли они своеобразной проекцией ожиданий и фантазий любящего сердца на объект своих любовных чувств? Если бы такая проекция имела место, уникальность объекта любовных чувств была бы поставлена под вопрос, поскольку любящее сердце способно применить подобную «формулу» в принципе к любому другому человеку⁴⁰.

Ответ на это возражение требует уточнения [nuanced]. Во-первых, важно иметь в виду, что угроза проекции подобного рода скрывается во всяком взаимодействии двух людей, в том числе и во взаимных любовных чувствах. Даже реляционно-исторические свойства не гарантируют отсутствие такой проекции: мы можем спроецировать желанные свойства и на того, с кем мы находимся в отношениях, но также и на того, с кем у нас их нет.

Во-вторых, не стоит думать, что перспективные свойства подразумевают простое использование собственных шаблонов при полном игнорировании реальности. Когда я воспринимаю тот или иной объект, у него есть некие первичные [primary] качества, которые не только не могут быть изменены моим восприятием, но и существенным образом влияют на то, что именно я испытываю при виде этого объекта. Так же и с людьми — их перспективные свойства не обязательно должны быть основаны на наших фантазиях. Даже если Луиджи испытывает женские чары Брижит лишь косвенно, например, лишь в те моменты, когда она общается со своими друзьями и любовниками, он все же ощущает действие вполне реальной сексуальности.

Кроме того, не стоит забывать о том, что любовные чувства Луиджи основаны на множестве атрибутивных свойств Брижит. Возможно, у него и есть какие-то проекции по отношению к ней. Он мог бы считать сексуальными абсолютно всех своих работодателей. Например, признавать свою предыдущую хозяйку — итальянскую актрису Софи Лорен — невероятно сексуальной. Разумеется, этого недостаточно, чтобы сделать Софию и Брижит равноценными заменами друг для друга. Если Луиджи не подвержен бредовым иллюзиям (ибо в этом случае у него имеются серьёзные проблемы с реляционно-историческими свойствами как таковыми), множество других свойств, которыми обладают Брижит и София, могут существенно повлиять на его перспективы в отношении этих двух разных женщин.

Перспективные свойства сильно зависят от психологической потребности в приукрашивании [make-up] реальности. Этот неоспоримый факт не является, однако, особой проблемой для экспериментального взгляда, поскольку он лишь предостерегает, что в случаях безответной любви заменить объект любовных чувств намного проще и ситуации смены одного возлюбленного на другого будут происходить чаще. Здесь, как мне кажется, мы имеем дело не только с прогнозом, который соответствует реальной практике, но и с нормативно оправданным результатом. Благодаря своей уникальной перспективе на Брижит, Луиджи имеет все необходимые причины для любви к ней, даже если их отношения лишены взаимной близости и понимания друг друга. Он имеет причины любить её, — однако это не значит, что его любовь подобна во всех отношениях взаимным любовным чувствам. Луиджи не может по-настоящему тронуть сердце своей возлюбленной, поэтому она так и остается пассивным объектом внимания, восхищения и любви. Взаимодействие между ними слишком слабое, чтобы достичь описанного ранее эффекта «кругов на воде». Тем самым безответная любовь, как правило, не является столь же крепкой, как и взаимные любовные чувства.

Причины для любви могут пребывать в балансе или перевешиваться основанными на здравом смысле соображениями [prudential reasons], толкаю-

щими нас к тому, чтобы разлюбить человека (и это особенно важно в случаях безответной любви). Любящий человек, чересчур озабоченный вопросом взаимности, будет пытаться «лишить пищи» [starve] свои любовные чувства. Безответная любовь неизбежно стремится к своей собственной кончине. Она имеет склонность быть менее постоянной, хотя в некоторых случаях (например, как у нашего Луиджи) она может длиться годами. Такое случается, когда изменения в объекте любви переживаются подобным чувством за счет сохранности ядра основных привлекательных [lovable] качеств этого объекта. Именно такие качества, перспективно переживаемые любящим сердцем, служат причинами для продолжения любовной истории. Случаи же, когда безответная любовь сохраняется невзирая на отсутствие любых отношений, на самом деле являются большой редкостью⁴¹.

6. Заключение. В данной статье я заострила внимание на том, что недавние дискуссии об источниках любовных чувств обычно игнорируют такую важную проблему, как феномен безответной любви, способной быть столь же подлинной и ценной, как и взаимное любовное чувство. Поэтому правильное понимание истинных источников любовного чувства также обязано находить объяснения и причинам безответной любви. Я показываю, что из двух популярных теорий любовных чувств, которые часто находятся в оппозиции друг другу, — атрибутивной и реляционной — первая, пусть и с некоторыми изменениями, может предоставить объяснение подобных причин, вторая же на это абсолютно не способна. Принимая во внимание существование феномена безответной любви, я защищаю взгляды атрибутивной теории со всеми необходимыми для этого изменениями.

Различие между этими двумя теориями, однако, не столь огромно, как могло показаться вначале. С одной стороны, уточнённая версия атрибутивной теории содержит некоторые элементы реляционной теории; с другой — реляционную теорию можно рассматривать как версию атрибутивной теории, в которой свойство быть в отношениях является единственным значимым атрибутивным свойством⁴².

Подобное сближение крайностей является очевидным признаком зрелости философских дискуссий⁴³. В то же самое время внимание к одним только общим деталям, как мне кажется, затемняет понимание полезных отличий между двумя этими теориями. Для сторонников реляционной теории, в конечном счёте, значение имеет лишь факт наличия между двумя людьми любовных отношений. Они считают, что одно только это обстоятельство делает любовное чувство уместным, или оправданным, и именно поэтому оно представляет для нас ценность. Для сторонников же атрибутивной теории в любых её версиях значение имеет иной факт — наличие в любимом человеке привлекательных качеств; именно в них заключаются и причины возникновения любовных чувств, и независимые источники их собственной ценности. Если мы рассмотрим недавние дискуссии в таком ракурсе, важным окажется вовсе не то, что обе эти теории отсылают нас к некому основанию наших любовных чувств, а то, что они представляют собой два кардинально разных мировоззрения (weltanschauung): реляционный взгляд полагает, что истинные причины любовных чувств коренятся в наших отношениях, тогда как атрибутивная теория рассматривает в ка-

честве таковых неповторимые индивидуальности самих объектов наших любовных чувств.

Подобная точка зрения на природу любви определяет различные решения целого ряда конкретных проблем, включая вопросы (но не ограничиваясь ими) ценности и рациональности любовных чувств, оставшихся без ответа. Реляционная теория, например, склонна видеть ценность любовных чувств в удачно складывающихся гармоничных отношениях, которые ведут к счастью и, возможно, моральному развитию [flourishing] двух любящих сердец. Атрибутивная теория же согласна удовлетвориться ценными свойствами объекта любви — качествами, невероятно привлекательными для любящего сердца, но, вполне возможно, не привлекательными для других людей. Тем самым атрибутивная теория рассматривает любовь с нормативно непритязательной точки зрения, согласно которой имеющее ценность любовное чувство не обязательно является примером идеальной взаимной любви, достаточно лишь того, что один человек нашел другого привлекательным для себя. Чем чувствительнее становится атрибутивная теория к самым тонким нюансам любовных чувств, тем менее наивными становятся её взгляды на реальность, поскольку то, что действительно достойно любви, вероятно, одним только мной и переживается в качестве такового.

В любом случае, пока любовное чувство длится, оно определено стоит того, чтобы его пережить⁴⁴.

Примечания автора

¹Я заостряю свое внимание лишь на психологическом настрое [attitude], именуемом в современном западном мире «романтической» или «эротической» любовью. Поэтому я оставляю в стороне такие плодотворные исторические трактовки любви, как *eros* у Платона, *philia* Аристотеля, или романтическую *Liebe*. Подобные понятия откровенно не соответствуют нашим сегодняшним представлениям о любви, а стало быть, требуют отдельного анализа. Я благодарю своего анонимного рецензента за предложение прояснить эти различия [исторический обзор соответствующих трактовок любовных чувств см.: 1–3; превосходный обзор философской литературы по этой тематике см.: 4]. Предварительно стоит пояснить: когда я говорю о причинах любовного чувства, я рассуждаю лишь о причинах *для* любви, или о том, почему любовь — это уместная реакция [fitting response] на определённые обстоятельства [например, см.: 5; 6]. Другими словами, я не обсуждаю причины *этой* любви, или те конкретные резоны, которые романтическая любовь вкладывает в соответствующие человеческие действия. И наконец, я изначально предполагаю, что для любовного чувства, как такового, могут существовать причины [убедительные аргументы в пользу этого, разделяемые сторонниками как атрибутивной, так и реляционной теории любви см.: 7; 8; противоположную точку зрения см.: 9; 10].

²Речь здесь идет о «Страданиях юного Вертера» Гетё. Назовём лишь несколько других примеров безответной любви: Квазимодо («Нотер Дам де Пари» Гюго) мистер Фербратер («Миддлмарч» Элиот).

³Подобный «идеалистический» подход содержится в теориях, о которых я еще буду говорить и которые я в целом поддерживаю [11; 12; очевидным образом основанную на взаимности трактовку любви см.: 13].

⁴Учитывая, что мое внимание в данной статье сосредоточено лишь на романтической любви, в дальнейшем я буду говорить о данной теории только в этой связи.

⁵Волевое обязательство, однако, может и не быть добровольным актом [10].

⁶Важно понимать, что сам Колодны рассуждает о любовных отношениях в том же смысле, что и я. Он определяет

дружбу или романтические отношения как «пример неустанной заботы [ongoing pattern of concern]» [8, p. 149]. В случае романтической любви такое определение является в то же время и слишком расплывчатым и чрезмерно ограниченным. Оно слишком расплывчато, потому что отношения между отцом и ребенком тоже можно охарактеризовать сходным образом, но вместе с тем оно и чрезмерно ограничено, так как некоторые романтические отношения не обязательно содержат в себе проявления заботы. Подумайте о человеке, который усвоил жестокие манеры, наблюдая за поведением своего отца по отношению к своей матери: единственный способ для него выразить свою любовь — это насилие (abusing). Или подумайте о ком-либо, кто просто настолько эгоистичен, что не заботится о людях, которых он любит. Возможный ответ на подобные примеры состоит в том, чтобы признать, что такие люди просто-напросто неспособны к любви, однако этот ответ обусловлен отвергнутым нами выше идеалистическим взглядом на любовные чувства. И хотя рассматриваемые здесь образчики любви очевидным образом родились с моральной точки зрения, они все же обладают другими значимыми для любви чертами, например, ранимостью [vulnerability] при потере любимого человека и чувствительностью к причинам такого события. Полное же описание того, что именно считается примером истинной любви, выходит далеко за рамки данной статьи.

⁷ Такое утверждение может показаться слишком банальным, однако именно пренебрежение или недооценка подобных банальностей несут ответственность за слишком узкое понимание «любвных отношений», которое отстаивает Колодны. Благодарю анонимного рецензента за предложение прояснить этот момент.

⁸ По крайней мере, в рамках современного западного мышления. Я вполне могу позволить себе иметь разумные, стратегические или моральные основания любить этого человека, но они будут отличаться от тех внутренних причин, о которых мы здесь говорим.

⁹ Я выражаю огромную благодарность Джеффри Кэплэну и Р. Джей Уолессу за оказанное ими влияние на мою позицию по данному вопросу.

¹⁰ Однако же далеко не очевидно, что такая «распущенная неуёмность» умаляет истинную ценность любовного чувства. Подобное поведение действительно может быть для нас весьма сомнительным удовольствием. Но все же остаётся открытым вопрос: верно ли это для любви, как для всего остального? Презрительное отношение Ромео и Джульетты к общепринятым социальным нормам и отсутствие в их любовной страсти всякой меры могут рассматриваться как очень значимые характеристики их любовного чувства, которые, впрочем, повлекли за собой крайне нежелательные, с точки зрения обыденного благоразумия, последствия.

¹¹ Благодарю анонимного рецензента за предоставленную мне возможность прояснить этот момент.

¹² Колодны говорит о редкости «безвозмездной заботы, которая бы не служила средством для чего-то другого» [8, p. 171], но опять же это совсем не то, о чём говорю я. Я не говорю здесь об альтруистической озабоченности благополучием другого.

¹³ Разумеется, этому есть свои пределы. Если безответная любовь становится нечувствительной к реальности маниакальной одержимостью [stubborn fixation], мотивацией для преследования или какой-либо другой формой неприемлемого поведения, то нам следует немедленно прекратить всякое восхищение.

¹⁴ Взгляд, который я здесь называю «атрибутивным», имеет и другие названия. Саймон Келлер использует такой термин в смысле очень близком к моему собственному [12]. Нил Колодны называет этот взгляд «теорией качеств» [8]. Нил Делани не даёт названия для своих воззрений, но говорит об атрибутах чаще, чем о качествах [11]. Роберт Нозик кратко рассматривает атрибутивную теорию в её простой форме и обсуждает свойственные ей проблемы, однако он не исполь-

зует специального термина, когда говорит о «характеристиках возлюбленного» [13]. Что касается меня, то я предпочитаю говорить об атрибутах, которые не обязательно являются примерами качеств (например, быть тем, кто сделал мне предложение на Манхэттене), потому что более утончённая версия атрибутивной теории фокусирует свое внимание именно на них.

¹⁵ В этих взглядах нет ничего, что запрещало бы влюблённому сердцу иметь причины для своих чувств в качествах, которые можно назвать негативными (например, уродство или глупость), или в качествах, которые не всегда однозначно оцениваются как позитивные (например, консерватизм или глубоко религиозная мораль), но для удобства я буду больше говорить о качествах, которые в основном считают положительными.

¹⁶ Было бы справедливым лишить наше сердце права иметь привилегированный доступ к причинам для любовных переживаний, учитывая, что также мы зачастую поступаем с эпистемологическими или моральными основаниями нашей жизни. И это было бы вполне совместимо с тем, что наше сердце сохраняло бы за собой право привилегированного доступа к самим этим переживаниям, а также и тем, что наши взгляды на причины любовного чувства обязательно должны опираться на правдоподобную феноменологию [phenomenologically plausible].

¹⁷ Также это называется возражением взаимозаменяемости [3; отличные от моих решения данной проблемы см.: 13–17].

¹⁸ Колодны даёт свои версии этих традиционных возражений, называя их незаменимостью (эквивалент контраргумента замены) и постоянством (соответствует контраргументу перемены). Кроме того, он предлагает собственное оригинальное возражение — контраргумент *амнезии*. И хотя это возражение является интересным, оно не имеет отношения к метафизике атрибутивных свойств, на которой сделан акцент в данном разделе. Это возражение выявляет эпистемическую [epistemological] проблему: достаточно ли нам лишь пропозиционально знать релевантные свойства любимого человека, чтобы иметь причины любить его. И хотя я считаю, что у атрибутивной теории есть средства для решения этой проблемы, и она находится в менее затруднительном положении, чем реляционная теория, здесь я должна отложить рассмотрение подобных вопросов для отдельного исследования, принимая во внимание объёмы данной статьи. Выражаю благодарность Шэн-И Ляо за дискуссию по данной проблеме.

¹⁹ Нуссбаум также можно трактовать как сторонницу атрибутивного взгляда. Однако, принимая во внимание её необычную трактовку Платона (особенно в той части, что касается проблемы некоторых значимых моральных свойств [19]), я бы рассматривала её отдельно.

²⁰ Любая адекватная версия атрибутивной теории лучше всего может быть понята, как требование обращаться к свойствам своего возлюбленного, как к причинам для любви, но вовсе не как утверждение об эксклюзивности данных причин. Причины для любви обязательно отсылают к характеристикам объекта этих любовных чувств, но для этого могут быть и другие причины (например, причиной для любви служит совместная семейная жизнь).

²¹ Обращаю ваше внимание, что эти причины всё ещё являются обусловленными атрибутивными свойствами самого человека, они только опосредованы отношениями и в этих отношениях переживаются. Так что даже в этом случае отношения вовсе не предшествуют самим любовным чувствам, как считает Колодны. Благодарю анонимного рецензента за возможность прояснить этот момент.

²² Подобную трактовку, однако, не следует считать тривиальной. Некоторые атрибутивные свойства не могут быть реляционными вовсе; например, рост в 168 сантиметров [5'6"], или факт проживания на третьем этаже. Подобные свойства едва ли могли бы быть подлинными причинами для любовного чувства. С другой стороны, иметь относительно объекта своего лю-

бовного чувства более высокий (или более низкий) рост является реляционным свойством, которое уже способно служить причиной для любви, наравне с другими качествами человека.

²³Эмили Рорти детально показывает и описывает тесную связь между свойствами самого человека и тем, как они влияют на любовные отношения. Она предлагает так называемый «динамически проницаемый» [dynamically permeable] идеал любви. Проницаемый, потому что любящий меняется и под влиянием своего собственного переживания любовного чувства, и под влиянием прямого [truthful] восприятия своего любимого. Проницаемость отрицает наше глупое [obtuse] нежелание меняться как самый простой способ хранить постоянство. Динамический, потому что любое изменение провоцирует дальнейшие перемены и в самом любящем сердце, и в отношениях с любимым человеком» [18, p. 402].

²⁴Иным образом это можно объяснить так: реляционные свойства человека, например, его любовные отношения со мной, то, что он — мой партнёр, равно как и то, что мы женаты уже двенадцать лет, являются второстепенными. Причинами для любви они выступают лишь в той степени, в которой побуждают человека иметь также и другие атрибутивные свойства, которые уже напрямую определяют взаимоотношения любящего сердца с объектом его чувств.

²⁵Могут быть и другие основания, по которым любовь Люфти заканчивается: например, его предпочтения в списке тех свойств, которые он считает привлекательными, могут измениться, и в этом случае оставшиеся прежними свойства Бекира станут уже причиной не для продолжения, но для окончания любовной истории. Согласно атрибутивной теории, вкусы и ценности людей могут меняться с течением времени. Взаимодействие между любящими сердцами влияет на их вкусы и ценности, поэтому счастливые [successful] отношения — это такие, в которых любящие меняются совместно и в соответствии с общими ценностями. Благодаря анонимного рецензента за возможность прояснить этот момент.

²⁶Альтернативный ответ на контраргумент измены заключается в том, что любовь находит для себя причины в новых свойствах любимого. Скажем, в некоторый момент времени T1 (т.е. до того, как изменение произошло) Люфти любит Бекира по причине наличия у него атрибутивных свойств C1, C2, C3 (переживаемых им внеисторически). Затем в момент времени T2 происходит изменение: Бекир теряет все свои прошлые атрибутивные свойства, но приобретает другие — C4, C5 и C6. Люфти теперь может любить Бекира по причине наличия этих новых атрибутивных свойств. Являлся бы такой пример проблемой даже для простой атрибутивной теории? Если бы не являлся, не было бы смысла говорить об историчности. Другой вариант ответа может заключаться в том, что Бекир теряет только одно прежнее атрибутивное свойство C1 (к примеру, красоту), но приобретает другое — C4 (например, эмпатию). Благодаря появлению нового атрибутивного свойства, у Люфти все ещё остаётся столько же причин любить Бекира, что и прежде. Первый вариант ответа видится мне неправдоподобным, поскольку трудно сохранить любовь в ситуации, когда все причины для нее в лице атрибутивных свойств были утрачены. Но вот второй вариант кажется вполне вероятным. Когда любовь неизменна, атрибутивные свойства, на которых она основана, как бы *нахлёстываются* [overlap] друг на друга, тем самым образуется постоянное ядро таких атрибутивных свойств, позволяющее некоторым из них постепенно становиться менее релевантными и заменяться другими. Когда они были моложе, для Люфти была важна красота Бекира. Однако с возрастом его любовь стала основываться уже на других свойствах возлюбленного, например, склонности проявлять сочувствие по отношению к другим людям или стойкость в преодолении жизненных трудностей. Отдельно следует заметить, что подобный вариант ответа опирается на историческое измерение любовных отношений. Благодаря Тамару Сабо Гендлер за продуктивное влияние на ход моих мыслей в этом вопросе.

²⁷Благодарю анонимного рецензента, который помог мне существенным образом упростить моё описание исторического характера реляционных свойств.

²⁸Благодарю Мэтью Смита за помощь в поиске удачной формулировки этой идеи.

²⁹Нил Делани приводит несколько превосходных примеров этому: быть парой на каком-то танцевальном мероприятии, или быть человеком, который сделал тебе предложение в Париже [11, p. 346].

³⁰Об этом также говорит и Колодны [8, p. 165].

³¹Здесь перед нами тот самый случай, когда любящее сердце не способно пережить изменения в позитивном смысле, т.е. измениться вместе со своим объектом любви. Случившиеся изменения настолько радикальны, что даже не стоит и пробовать их перенять. Кроме того, как замечает Эмили Рорти, существуют объективные ограничения того, насколько наша личность зависима от своих любовных чувств к другому человеку, потому что «предыдущие черты характера сопротивляются трансформации» [18, p. 403].

³²Хотя у них всё ещё могут оставаться причины для любви друг к другу, но теперь уже только в формате дружбы или привязанности [affectionate], также у них могут быть причины и для сохранения социальных отношений, скажем веские резоны продолжать оставаться браке (ради детей, по экономическим соображениям, религиозным основаниям, для сохранения своего реноме в обществе и т.д.).

³³Благодарю Майкла Смита за чрезвычайно полезную дискуссию о возможном наименовании для системы моих взглядов и, что еще важнее, за помощь в работе над их содержанием.

³⁴Разумеется, сама по себе идея существования перспективных атрибутивных свойств легко отыщется в любом разделе философии, однако она почти никогда не используется в исследованиях причин любовного чувства.

³⁵Интеллект следует рассматривать в качестве примера атрибутивного свойства, которое не является сугубо перспективным. Хотя и существуют объективные стандарты интеллекта, он вполне может быть испытан перспективно: мой интеллект будет, например, по-разному оцениваться моим 10-летним кузеном и Альбертом Эйнштейном. Это не следует понимать, однако, как заявление о том, что *любое* свойство является перспективным или может быть испытано подобным образом: иметь рост 172 сантиметра [5'8"] или проживать по определённой адресу, например, в любом случае не являются перспективными свойствами.

³⁶Благодарю Тамару Сабо Гендлер за её ценные замечания по этому вопросу.

³⁷Здесь у меня представлен только набросок идеи, которая явно требует отдельной статьи. Например, мы можем возразить, что одной встречи вполне достаточно, чтобы оценить чувство юмора или красоту человека (за данное возражение я признательна Мэтью Смигу). Но первое мнение может оказаться ошибочным, люди не всегда сразу проявляют свои лучшие или худшие черты. Чтобы быть уверенным, что ты оценил человека таким, каким он является в действительности, даже с точки зрения перспективы (т.е. каков он для тебя лично), многократное взаимодействие кажется совершенно необходимым. Кроме того, это же относится и к свойствам, которые являются диспозиционными: верность моральным принципам [moral integrity, or coherence], например, не может быть оценена за время одной встречи (этим примером я обязана Эрику Гуиндону). Сходное возражение состоит в том, что интеллект не так уж и сильно отличается от красоты в том смысле, что блестящее высказывание девушки может поразить меня так же сильно, как и её эффектная внешность (данное возражение я позаимствовала у Памелы Коркоран). Соглашусь, что такое вполне возможно, но я не думаю, что это можно назвать «типичным случаем»: на оценку красоты обычно уходит куда меньше времени (хотя иногда даже для этого должно пройти некоторое время), чем на оценку интеллекта. Отдельное затруднение связано с тем, что возможные

взаимодействия могут различаться ещё и по своему качеству: интимное и интенсивное общение между двумя людьми сильно отличается от групповой беседы во время дискуссии на профессиональные темы.

³⁸Трудно, если вообще возможно, абстрактным образом уточнить, какое количество или какой вид взаимодействий считались бы достаточными для достоверной оценки атрибутивных свойств другого человека. Одна из причин этого заключается в том, что люди различаются в своей чувствительности [receptiveness], способностях точно оценивать человека, степени близости и т.д. Возможно, мы способны придумать более прагматичные критерии, например, обладание способностью предсказывать поведение или реакцию человека, или способностью описывать его характер так, что это показалось бы верным даже его наиболее близким друзьям. Однако такие критерии вряд ли эффективным образом отследят различия между поверхностным знанием и действительным пониманием кого бы то ни было. Например, мы можем знать человека очень хорошо, но всё же во многих обстоятельствах мы не способны предсказать его поведение. Тем не менее я верю, что у нас все же есть интуитивное понимание данного различия. Благодарю анонимного рецензента за настоятельные рекомендации [pressing] по этому вопросу.

³⁹Впрочем, реляционно-исторические свойства в этом случае будут переживаться самими безответно любящими сердцами.

⁴⁰Мне хотелось бы поблагодарить Гари Фостера за то, что он поднял этот вопрос и тем самым убедил меня осветить его более подробным образом.

⁴¹Это вполне согласуется с таким очевидным фактом, что намного сложнее разлюбить человека, с которым какие-либо отношения сохраняются. Поэтому мы настоятельно рекомендуем всем, кто желает избавиться от любовных чувств, исключить любые контакты со своими возлюбленными.

⁴²Благодарю Рэймонда Критча, Мэтью Смита и Золтана Гендлера Сабо за то, что они вдохновили меня пересмотреть этот вопрос именно таким образом.

⁴³В готовящейся к печати статье Дэвида Вонга изящным и тщательным образом освещается нынешнее состояние дискуссий, а также убедительно доказывается, несостоятельность радикальных подходов в данном вопросе. Он является сторонником более гибкой позиции и защищает плюралистическую концепцию любви, которая требует подобного же понимания причин для любви или их отсутствия и, таким образом, объединяет не только атрибутивную и реляционную теории, но и взгляд, согласно которому любовь вообще не имеет никаких причинных оправданий. И хотя Дэвид Вонг разделяет мою озабоченность тем, что я называла «идеалистическими» подходами к любви, он (и это удивительно!) тем не менее не уделяет особого внимания феномену безответной любви [21].

⁴⁴За ценные критические замечания, комментарии и предложения к настоящей и предыдущей версии этой статьи я хотела бы поблагодарить всех анонимных рецензентов, а также: Стивена Дарвала, Тамару Сабо Гэндлер, Чэньян Ли, Мэтью Смита, Дастина Такера, участников семинара «Йельский университет за работой» весеннего сезона 2011-го года (в особенности, Памелу Коркоран, Золтана Гендлер Сабо и Барбару Саттлер), а также аудиторию конференции «Причины для любви» в Лёвене (в частности, Кейт Абрамсон, Раймонда Критча, Гари Фостера, Александра Джеча, Диану Еске, Джеффри Каплана, Адама Лейте, Джеррольда Левинсона, Майкла Смита, Джея Уоллеса и Ника Зангвилла). Особая благодарность Майклу Делле Рокке, Эрику Гуиндону и Шэнь-И Лю за содержательную дискуссию. Огромная благодарность Кэтрин Чемберлин и Дастину Такеру за их помощь в редакторской правке.

Примечания переводчика

¹Наоборот; противоположным образом (лат.).

²Само по себе; в чистом виде (лат.).

³Тем более; с большим основанием (лат.).

⁴Восточный район города Касабланки (Марокко).

Библиографический список

1. Singer I. The Nature of Love. Vol. 1. Plato to Luther. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 396 p.
2. Singer I. The Nature of Love. Vol. 2. Courtly and Romantic. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 513 p.
3. Singer I. The Nature of Love. Vol. 3. The Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 496 p.
4. Helm B. Love // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2013 Edition) / Ed. E. N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/love/> (дата обращения: 09.07.2018).
5. D'Arms J., Jacobson D. The Moralistic Fallacy: On the «Appropriateness» of Emotions // Philosophy and Phenomenological Research. 2000. Vol. 61, no. 1. P. 65–90. DOI: 10.2307/2653403.
6. D'Arms J., Jacobson D. The Significance of Recalcitrant Emotions (or Anti-Quasi Judgmentalism) // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2003. Vol. 52. P. 127–145. DOI: 10.1017/S1358246100007931.
7. LaFollette H. Personal Relationships: Love, Identity, and Morality. Hoboken: Blackwell Press, 1996. 240 p.
8. Kolodny N. Love as Valuing a Relationship // The Philosophical Review. 2003. Vol. 112, no. 2. P. 135–189. DOI: 10.1215/00318108-112-2-135.
9. Thomas L. Reasons for Loving. The Philosophy of (Erotic) Love. Lawrence: Kansas University Press, 1991. 536 p.
10. Frankfurt H. Reasons of Love. Princeton: Princeton University Press, 2006. 112 p.
11. Delaney N. Romantic Love and Loving Commitment: Articulating a Modern Ideal // American Philosophical Quarterly. 1996. Vol. 33, no. 4. P. 339–356.
12. Keller S. How Do I Love Thee? Let Me Count the Properties // American Philosophical Quarterly. 2000. Vol. 37, no. 2. P. 163–173.
13. Nozick R. Love's Bond // The Examined Life: Philosophical Meditations. NY: Simon & Schuster, 1989. P. 68–86.
14. Badhwar N. K. Love // Practical Ethics. NY: Oxford University Press, 2003. P. 42–69. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199284238.003.0003.
15. Kraut R. Love De Re // Midwest Studies in Philosophy. 1986. Vol. 10, no. 1. P. 413–430. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1987.tb00549.x.
16. Soble A. The Structure of Love. New Haven: Yale University Press, 1990. 247 p.
17. Solomon R. C. Reasons for Love // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2002. Vol. 32, no. 1. P. 1–28. DOI: 10.1111/1468-5914.00173.
18. Rorty A. O. The Historicity of Psychological Attitudes: Love Is Not Love Which Alters Not When It Alteration Finds // Midwest Studies in Philosophy. 1986. Vol. 10, no. 1. P. 399–412. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1987.tb00548.x.
19. Nussbaum M. C. Love and the Individual: Romantic Rightness and Platonic Aspiration // Love Analyzed / Ed. R. E. Lamb. Boulder: Westview Press, 1997. P. 1–22.
20. Lamb R. E. Love and Rationality // Love Analyzed / Ed. R. E. Lamb. Boulder: Westview Press, 1997. P. 23–47.
21. Wong D. The Different Faces of Love in a Good Life // Moral Cultivation and Confucian Character: Engaging Joel J. Kupperman / Eds. C. Li, P. Ni. Albany: SUNY Press, 2014. P. 97–125.

Сведения о переводчике

КОЧНЕВ Роман Леонидович, учебный мастер кафедры «Философия и социальные коммуникации».

SPIN-код: 7887-8053

AuthorID (РИНЦ): 961891

Источник перевода: S. Protasi. Loving people for who they are (even when they don't love you back) // European Journal of Philosophy. 2014. Vol. 24, Issue 1. P. 21 – 23. DOI: 10.1111/ejop.12077.

Ссылка на полный текст статьи: <https://philpapers.org/rec/PROLPF>

Адрес для переписки: r-kochnev@mail.ru

Для цитирования

С. Протаси. Любить людей за то, кто они есть (даже если они не любят нас в ответ) = S. Protasi. Loving people for who they are (even when they don't love you back) / пер. Р. Л. Кочнева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 65–78. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-65-78.

Статья поступила в редакцию 03.08.2018 г.

© С. Протаси

UDC 177.61

DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-65-78

S. PROTASI

University of Puget Sound,
Tacoma, USA

LOVING PEOPLE FOR WHO THEY ARE (EVEN WHEN THEY DON'T LOVE YOU BACK)

The debate on love's reasons ignores unrequited love, which—I argue—can be as genuine and as valuable as reciprocated love. I start by showing that the relationship view of love cannot account for either the reasons or the value of unrequited love. I then present the simple property view, an alternative to the relationship view that is beset with its own problems. In order to solve these problems, I present a more sophisticated version of the property view that integrates ideas from different property theorists in the love literature. However, even this more sophisticated property view falls short in accounting for unrequited love's reasons. In response, I develop a new version of the property view that I call the experiential view. On this view, we love a person not only in virtue of properties shaped by and experienced in a reciprocal loving relationship, but also in virtue of perspectival properties, whose value can be properly assessed also outside of a reciprocal loving relationship. The experiential view is the only view that can account not only for reciprocated love's reasons, but also for unrequited love's reasons.

Keywords: reciprocated love, unrequited love, property view, relationship view, perspectival properties.

References

1. Singer I. The Nature of Love. Vol. 1. Plato to Luther. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 396 p. (In Engl.).

2. Singer I. The Nature of Love. Vol. 2. Courtly and Romantic. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 513 p. (In Engl.).

3. Singer I. The Nature of Love. Vol. 3. The Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 496 p. (In Engl.).

4. Helm B. Love // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2013 Edition) / Ed. E. N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/love/> (accessed: 09.07.2018). (In Engl.).

5. D'Arms J., Jacobson D. The Moralistic Fallacy: On the «Appropriateness» of Emotions // Philosophy and Phenomenological Research. 2000. Vol. 61, no. 1. P. 65–90. DOI: 10.2307/2653403. (In Engl.).

6. D'Arms J., Jacobson D. The Significance of Recalcitrant Emotions (or Anti-Quasi Judgmentalism) // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2003. Vol. 52. P. 127–145. DOI: 10.1017/S1358246100007931. (In Engl.).

7. LaFollette H. Personal Relationships: Love, Identity, and Morality. Hoboken: Blackwell Press, 1996. 240 p. (In Engl.).

8. Kolodny N. Love as Valuing a Relationship // The Philosophical Review. 2003. Vol. 112, no. 2. P. 135–189. DOI: 10.1215/00318108-112-2-135. (In Engl.).

9. Thomas L. Reasons for Loving. The Philosophy of (Erotic) Love. Lawrence: Kansas University Press, 1991. 536 p. (In Engl.).

10. Frankfurt H. Reasons of Love. Princeton: Princeton University Press, 2006. 112 p. (In Engl.).

11. Delaney N. Romantic Love and Loving Commitment: Articulating a Modern Ideal // American Philosophical Quarterly. 1996. Vol. 33, no. 4. P. 339–356. (In Engl.).

12. Keller S. How Do I Love Thee? Let Me Count the Properties // *American Philosophical Quarterly*. 2000. Vol. 37, no. 2. P. 163–173. (In Engl.).
13. Nozick R. Love's Bond // *The Examined Life: Philosophical Meditations*. NY: Simon & Schuster, 1989. P. 68–86. (In Engl.).
14. Badhwar N. K. Love // *Practical Ethics*. NY: Oxford University Press, 2003. P. 42–69. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199284238.003.0003. (In Engl.).
15. Kraut R. Love De Re // *Midwest Studies in Philosophy*. 1986. Vol. 10, no. 1. P. 413–430. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1987.tb00549.x. (In Engl.).
16. Soble A. *The Structure of Love*. New Haven: Yale University Press, 1990. 247 p. (In Engl.).
17. Solomon R. C. Reasons for Love // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2002. Vol. 32, no. 1. P. 1–28. DOI: 10.1111/1468-5914.00173. (In Engl.).
18. Rorty A. O. The Historicity of Psychological Attitudes: Love Is Not Love Which Alters Not When It Alteration Finds // *Midwest Studies in Philosophy*. 1986. Vol. 10, no. 1. P. 399–412. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1987.tb00548.x. (In Engl.).
19. Nussbaum M. C. Love and the Individual: Romantic Rightness and Platonic Aspiration // *Love Analyzed* / Ed. R. E. Lamb. Boulder: Westview Press, 1997. P. 1–22. (In Engl.).
20. Lamb R. E. Love and Rationality // *Love Analyzed* / Ed. R. E. Lamb. Boulder: Westview Press, 1997. P. 23–47. (In Engl.).
21. Wong D. The Different Faces of Love in a Good Life // *Moral Cultivation and Confucian Character: Engaging Joel J. Kupperman* / Eds. C. Li, P. Ni. Albany: SUNY Press, 2014. P. 97–125. (In Engl.).

About the translator

KOCHNEV Roman Leonidovich, Educational Master of Philosophy and Social Communication Department.
SPIN-code: 7887-8053
AuthorID (RSCI): 961891
Address for correspondence: r-kochnev@mail.ru

For citation

Protasi S. Loving people for who they are (even when they don't love you back) / trans. R. L. Kochnev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 3. P. 65–78. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-65-78.

Received 03 August 2018.

© S. Protasi